

Кинотеатр - 2006 - 14-20 апр. - с. 9

Детям двадцать первого столетия

“Юноне” и “Авось” — 25

Когда легендарной ленкомовской рок-опере исполнилось 20 лет, все дружно отметили этот феномен: никакого “плюсquamперфекта” не ощущается, история трогает по-прежнему, а средства выразительности, хоть и выдают давний год своего рождения, непостижимым образом берут за живое. С тех пор пролетело пять лет. Спектакль по-прежнему рекордсмен зрительского спроса. А между тем этот дивный летучий корабль получил две тяжкие пробоины. В результате авткатастрофы выбыл из спектакля Николай Караченцов, бессменно и неповторимо игравший графа Резанова более 20 лет. Этим летом не стало ленкомовского волшебника Олега Шейнциса. Золотой ростр корабля по-прежнему устремлен в зал, все так же опасно наклонены зеркальные полы, готовые скатить под горку жизнь и надежду, все так же изготвлены к путешествию снасти, и нездешние закаты опять манят беспокойную душу, а того, кто все это так талантливо и дерзко сочинил, больше нет на свете.

Николай Караченцов пришел на юбилей. И конечно, был там композитор Алексей Рыбников. А вот поэт Андрей Вознесенский прийти не смог, болен. Артист Дмитрий Певцов, которым заменили в роли Резанова Караченцова, притом столь деловито и спешно, что Москва еще долго гудела об этической стороне вопроса, тоже на время выбыл из строя — повредил ногу. Юбилейный спектакль играл Виктор Раков, и о нем — в свою очередь. А пока лезет в голову сентенция о театре, который может быть одинаково нежен и жесток. О спектакле, который в иных случаях является самоценно живым существом и, следовательно, нуждается в постоянном кровотоке и, не смущаясь, глотает новую жертву — для того, чтобы жить и дышать.

“Юнона” и “Авось” по-прежнему хорошо живет и молодо дышит. Матросы — юные, вчерашние выпускники. Кончиту играет Алла Юганова, для которой даже Анна Большова, только что ее игравшая, — “старший товарищ”. В день юбилея поиграли сразу несколько составов: и Большова, и первая, главная Кончита — Елена Шанина — вышла в финале, и Александр Абдулов, и Сергей Чонишвили, и Дмитрий Певцов появился Резановым ненадолго.

Как вышли музыканты, ансамбль “Аракс” — все в коже, волосы — в хвост,

А.Юганова — Кончита и В.Раков — Резанов в сцене из спектакля

тики, лица — беспечные, хоть и со стажем, как взорвался первый аккорд, так и вспомнилось, каково это было в 1982 году. Как мы, недавние еще студенты, сидели в зале и шептались: “Господи! Хоть бы это никогда не кончилось. И неужто такое возможно”. Молодой Караченцов пел про “расформированное поколение”, и это было его, Караченцова, поколение. Впрочем, и поэта Вознесенского, и режиссера Захарова, и нас, которые младше Караченцова. И такая была в этом нездешняя свобода — в текстах, в музыке, в бешеной энергии, льющейся в зал, в упрямом лице Коли Караченцо-

ва, чьи “карие вишни” глаз будто сверлили воздух. В день 25-летия спектакля посреди фойе расположилась выставка, подготовленная художником театра Алексеем Кондратьевым. Между стендами — роскошные костюмы Валентины Комоловой, на стендах — фотографии, вся история, где черно-белые снимки ценнее всего. Показалось даже, что начало жизни “Юноны” и “Авось” не нуждается в раскраске, что в черно-белом варианте этого мира, в молодых лицах нынешних звезд — та самая максималистская вера, то самое безумие театральных упрямцев, благодаря кото-

рому спектакль жив до сих пор.

Пять лет назад, анализируя этот феномен долголетия, критики приходили к выводу, что история любви пережила отошедший в прошлое театральный язык. Теперь же, странное дело, и язык внезапно оказался ко времени. И если мощное романтическое начало читается все же как ретро, то сама коллизия в декабре 2006 года неожиданно будоражит сознание.

Там дела российско-американской компании — а Америка у нас опять во всем виновата. Авантюрист Резанов, мятежная душа, рвется раздвигать

горизонты, а потомки ему — вотум недоверия к заморским товарам, к негодьям всяким и гастарбайтерам.

И хоть Андреевский флаг да образ Богородицы нынче не только что дозволены, а даже упакованы в джентльменский набор, но церкви и больницы жгут с нарастающим усердием, а отечественная водка, скорее всего, вскорости подешевеет, вследствие чего станет всем хорошо и без Америки. Да и предприимчивый склад характера наказы, выдать, по определению. Умеренность и аккуратность претендуют на роли национальных героинь.

Есть в режиссуре Марка Захарова некое уникальное свойство, которое можно назвать острым социальным нюхом. Не раз и не два случалось, что он в спектакле или кинофильме не просто фиксировал некий общественный симптом, но прозревал его в будущем. Так, неожиданный эффект временной проекции случился с его картиной “Убить дракона” по Е.Шварцу: показанная недавно на телевидении, она зазвучала гораздо более своевременно, чем в конце 80-х, когда была сделана.

Но, разумеется, не только этим живет ныне 25-летняя “Юнона” и “Авось”. Виктор Раков играет Резанова по-настоящему сильно, мужественно, с чувством. Вот это, последнее — или есть, или нет, его не симитируешь. Раков отлично поет, но то не просто пение, то — искренняя жизнь человеческого духа. Этой материи у нас почему-то в жанре мюзикла отказано, с чем лично Марк Захаров никогда не был согласен. Караченцов у него выпевал мятущую душу одинокого и упрямого странника. Раков же поет историю большого, беззащитного сердца. Быть может, тема “расформированного поколения” для этого артиста в силу возраста и не столь актуальна. Зато сантимиента в нем — бездна. Электрический разряд идет от его дуэта с Кончитой, “белый шиповник” воззается колючками в самое сердце.

На финальной “Аллилуйе любви” зал, наполовину состоящий из VIP-персон, раскачивался и нестройно подпевал. Каждому зрителю подавали по бутылке шампанского с фирменной этикеткой. “Коль мысли черные... придут”, надо будет непременно ее откупорить и пересмотреть “Юнону” и “Авось” в год ее 30-летия.

Наталья КАМИНСКАЯ
Фото Михаила ГУТЕРМАНА